

ПРОБЛЕМА РЕДУКЦИОНИЗМА В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА. Часть 2. ЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ РЕДУКЦИОНИЗМА

А. Г. Вяткина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 января 2023 г.

Аннотация: во второй части настоящего исследования анализируются логические истоки редукционизма. Выделенные в прошлой части направления редукции, «редукционизм снизу» и «редукционизм сверху», раскрываются через призму кантовских категорий и антиномий как естественная склонность природы нашего разума. Таким образом, получают объяснение поразительная устойчивость, широта применения и, по сути, неизбежность упрощающего познания реальности, а следовательно, крайняя сложность его преодоления. В контексте кантовских динамических основоположений затрагивается проблема творческого созидания, синтезирования, сущности. Автор показывает, что, хотя данный синтез в своих истоках неизбежно оказывается случайным и субъективным, однако, при всём исходном разнообразии, разум естественно скатывается по логическим рельсам редукции. Подчеркивается, что логика кантовских антиномий, взятая в качестве опоры для методологического выделения двух видов редукционизма, открывает горизонты для новой постановки проблемы там, где господствуют сложившиеся принятые интерпретации истории философской мысли, от античности до современности. Обоснование пути выхода из тупиков редукционизма осуществляется на основе системного подхода, отказывающегося от сведения объекта исследования к самодостаточной сущности (субстанции) и рассматривающего явления в сложной системе взаимодействий.

Ключевые слова: редукционизм, «редукционизм снизу», «редукционизм сверху», классическая наука, системный подход, антиномии Канта, сущность, существование, взаимодействие.

Abstract: the second part of the article analyzes the epistemological origins of reductionism. Through the prism of Kant's categories and antinomies, the types of reduction that we highlighted in the last part of the article («reductionism from below» and «reductionism from above») are considered as the nature of our mind. As a result, the inevitability of simplifying cognition of reality and the exceptional complexity of overcoming it are explained. In the context of Kant's dynamic principles, the problem of creative synthesis of essence is posed. The author shows that this synthesis in its origins is inevitably accidental and subjective. However, with all the initial diversity, the mind naturally slides down the logical rails of reduction. The article shows that the logic of Kant's antinomies, taken as the basis for the methodological separation of the two types of reductionism, opens horizons for a new formulation of the problem, where there are generally accepted interpretations of the history of philosophical thought, from antiquity to modernity. The rationale of overcoming the limitations of reductionism is based on a systematic approach. This approach refuses to reduce the object of research to an independent essence (substance) and considers phenomena in a complex system of interactions.

Key words: reductionism, «reductionism from below», «reductionism from above», classical science, systematic approach, Kant's antinomies, essence, existence, interaction.

В первой части данной работы¹ мы обратились к проблеме междисциплинарного диалога в процессе познания сложных многоуровневых явлений. Как выяснилось в ходе анализа, в отсутствие единого теоретического пространства совместного дискурса

неизбежным следствием при рассмотрении данных явлений оказывается редукционизм. Было выделено два противоположных вида редукции, которые мы условно обозначили как «редукционизм снизу» и «редукционизм сверху». Первое направление осу-

¹ Часть 1 настоящего исследования см.: Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2022. № 4. С. 12–20.

© Вяткина А. Г., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

ществляет редукцию от «сложного» к «простому», второе, напротив, рассматривает «простое» как момент, преформацию «сложного». Обратимся к поиску причин самой редукционистской направленности человеческого мышления, ведь сколько бы критики не обрушивалось на этот упрощающий способ познания, он не собирается сдавать позиции и продолжает господствовать в объяснении сложных феноменов реальности.

Для решения поставленной задачи предлагаем взглянуть на проблему редукционизма через призму кантовских категорий и антиномий. Рассматривая существо последних, немецкий классик утверждает, что здесь мы сталкиваемся с «феноменом человеческого разума, а именно с совершенно естественной антитетикой, сети которой вовсе не приходится преднамеренно расставлять на пути разума, так как он сам собой, и притом неизбежно, попадает в них» [1, с. 328]. Как известно, по Канту идеи суть «не что иное, как категории, расширенные до безусловного». По утверждению немецкого философа, разум, собственно говоря, не создает никаких идей, он берет рассудочное понятие и «освобождает» его от естественных ограничений возможного опыта, стремясь выйти за его пределы. Причем для образования идеи подходит не любая категория, а только та, в которой синтез образует ряд, «и притом ряд подчиненных друг другу (а не координированных) условий для обусловленного» [там же, с. 330]. Так, категория «субстанция-акциденция» не образует ряда, ибо «разум не имеет в отношении ее никакого основания нисходить к условиям, так как акциденции (поскольку они присущи одной и той же субстанции) координированы друг с другом и не составляют ряда» [там же, с. 333]. В результате, как отмечает Кант, существует не более четырех космологических идей в соответствии с четырьмя категориями, которые выстраивают ряд в процессе синтеза многообразного. Проанализировав логику образования этих рядов, мы пришли к выводу, что рассматриваемые в данной статье редукционистские направленности мышления возникают на основе категорий реальности и необходимости-случайности, расширенных до трансцендентальных идей и образующих тезисы соответственно второй и четвертой антиномий. Тезис второй антиномии позволяет объяснить «редукционизм снизу», а четвертой – «сверху».

Обратимся к первой названной категории реальности. Здесь важно вспомнить, что данная категория принадлежит к группе математических, относящихся к предметам в созерцании. А в этом случае, отмечает Кант, для образования трансцендентальной идеи синтез многообразного необходимо рассматривать в связи с формами чувственности, пространством и временем. Поскольку всякое явление «внешнего

опыта» может быть воспринято не иначе как посредством синтеза, «сложения» многообразного в пространстве, оно всегда обладает экстенсивной величиной. Последняя характеризуется как величина, «в которой представление о целом делается возможным благодаря представлению о частях (которое поэтому необходимо предшествует представлению о целом)» [там же, с. 175]. Из сказанного следует, что «реальность в пространстве, материя» есть нечто обусловленное: внутренним условием существования реального служат его части, которые, в свою очередь, сами предполагают наличие образующих их частей, и так далее. Таким образом, у нашего разума возникает естественное стремление разложить наблюдаемые в опыте явления на составляющие элементы и продолжить это деление до тех пор, пока материя не превратится в нечто такое, что уже не подлежит дальнейшему разъединению, т. е. в нечто простое. Отсюда мы получаем знаменитый тезис второй антиномии: «Всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей, и вообще существует только простое или то, что сложено из простого». При этом важно отметить, что категория, взятая как адекватный проблеме методологический принцип, при определенных условиях направляет наше познание и гарантирует его прирост. И если для ряда целей разложение сложной субстанции до простых элементов может быть весьма продуктивным и оправданным, то, когда мы начинаем расширять данный принцип и использовать его безусловно, распространяя на всю совокупность явлений мира, мы неизбежно сталкиваемся с упрощением и противоречиями. С тем самым редукционизмом снизу, упускающим саму суть того, что изучается.

Следующая интересующая нас категория относится к числу динамических. В контексте различения выделенных Кантом двух групп категорий полезно обратиться к одному любопытному и важному разъяснению философа: «У нас есть два термина: мир и природа, совпадающие иногда друг с другом. Первый из них обозначает математическое целое всех явлений и целокупность их синтеза как в большом, так и в малом, т. е. в продвижении синтеза как путем сложения, так и путем деления. Но тот же самый мир называется природой, поскольку мы рассматриваем его как динамическое целое и имеем в виду не агрегат в пространстве или времени... а единство в существовании явлений» [там же, с. 336]. Как отмечалось в первой части данной работы, правомерность редукционистского «пути деления» имеет место в том случае, если мы игнорируем связи и отношения между частями исследуемого объекта и рассматриваем его, в терминах Канта, как «агрегат», составленный из независимых и «координированных» элементов. Динамический синтез преследует целью не эту мате-

математическую координацию, а как будто бы искомое обнаружение связей между явлениями. Однако всё множество разнородных связей, в конечном итоге, сводится к одной-единственной, признаваемой исследователем основой существования. Таким образом, здесь мы опять-таки имеем дело с редукционизмом, но уже динамическим редукционизмом сверху.

Проследим логику Канта в тезисе четвертой антиномии. Она основывается на том, что явления опыта содержат в себе ряд изменений, а всякое изменение подчиняется своему условию, которое и делает его необходимым. В результате, освобождаясь от частных, разум ставит вопрос о существовании безусловно необходимого и заключает, что «высшее условие начала того или иного ряда изменений должно существовать в мире» [там же, с. 359]. Таким образом, получается, что «весь порядок вещей, образующих мир, происходит от одной первосущности, от которой всё заимствует свое единство и целесообразную связь» [там же, с. 367]. Опять-таки, если для ряда научных задач поиск некой первоформы, развертывающейся в процессе своего существования в ряд обусловленных и соподчиненных структур, будет выступать адекватным и продуктивным методологическим принципом, способствующим прогрессу в знании, то расширение его на всю совокупность явлений превращается в субстанциалистский редукционизм (понятие Н. А. Мещеряковой), отвергающий подлинное развитие и качественное разнообразие структур бытия [2].

Здесь важно обратиться к еще одному различию между двумя указанными группами кантовских категорий, вытекающему из особенностей их синтеза, который «бывает или математическим, или динамическим, так как он относится, с одной стороны, только к созерцаниям, с другой стороны, к существованию явления вообще» [1]. Если математический синтез, характеризующий предмет в созерцании, обладает непосредственной очевидностью и всеобщей достоверностью, то того же нельзя сказать про синтез динамический, касающийся проблемы «существования вообще». Так, если несколько исследователей, наблюдающих в чувственном опыте один и тот же объект, измерят его пространственные характеристики, то они получат одинаковые результаты. Однако, когда ставится вопрос о причинах, условиях или формах его существования, то нет никакой гарантии, что ученые придут к единому мнению. Динамические определения напрямую не наблюдаемы в чувственном опыте, а следовательно, не обладают непосредственной всеобщей достоверностью. Проблема осложняется еще и тем, что многообразные истоки, основания синтеза, осуществляемого в поле человеческой субъективности, как правило, крайне мало сознаются самим индивидом («слепа функция души», по Кан-

ту) и в своей сути закрыты для восприятия другими. Наблюдатель по замеченным в опыте проявлениям может только догадываться об их истинной природе. Кроме того, данные истоки, как утверждает философ, всегда оказываются случайными, т. е. зависимыми от целого ряда внешних, внеположных субъекту факторов, от врожденных качеств и до стечения жизненных обстоятельств, учет и осмысление которых является задачей бесконечной трудности. Поэтому, столкнувшись с некой оригинальной идеей, познавательным подходом, особенно там, где речь идет об исключительно сложных явлениях бытия, таких как человек, общество, культура, где к тому же невозможны опытная проверка и эксперимент, мы зачастую останавливаемся в непонимании, не зная, как реагировать, принять или отвергнуть. Даже если исследователь достаточно подробно и внимательно описал логику своих рассуждений, сама идея может остаться для нас пустой словесной оболочкой, не ставшей от пространности изложения более достоверной и убедительной. Логической полноты здесь бесконечно мало, если мы при этом не знаем, во-первых, как именно он пришел к тому или иному выводу, если нам недоступны его собственные уникальные методы, или, в терминологии Канта, правила синтезирования многообразных данных. И, во-вторых, не меньшие трудности касаются самих этих данных, т. е. материала для последующего синтеза. Ключевым для искомого понимания может оказаться принятие в расчет тех явлений и факторов, которые самоочевидны с точки зрения выразителя интересующей нас идеи, основательно входят в его личный опыт, в то время как мы их просто не замечаем, в лучшем случае они присутствуют где-то в отдаленном фоне восприятия, а то и не существуют для нас вовсе. Иными словами, вопрос заключается в том, что именно человек видит и находит в окружающей его действительности, зачастую даже не догадываясь и не допуская мысли, что нечто столь резко и отчетливо воздействующее на его восприятие может в принципе не обнаруживаться другим. Неслучайно в философии и психологии дискутируется вопрос, как вообще некий феномен попадает в поле нашего сознания и впервые начинает для нас существовать, последовательно формируясь в качестве обособленной предметности. Отсюда понятно обращение к биографиям ученых и философов, когда мы не понимаем указанных истоков творческой мысли. Как и в целом интерес современной науки, в частности системного подхода, к проблеме субъекта, наблюдателя в процессе познания. Как вопрошает Морен: «Можно ли так легко отделить чью-либо науку от чьей-либо жизни?» [3, с. 36]. Или чье-либо понимание феноменов действительности от чьей-либо жизни?

Обратимся к примерам. Некоторые реалии не существуют и не могут существовать для индивида

в раннем возрасте. В связи с этим весьма показательными являются трудности преподавания отечественной классической литературы для школьников. Очевидно, Толстой и Тургенев при написании своих бессмертных произведений обращались не к детской аудитории. Попробуйте объяснить школьникам всю сложность и тонкость отношений Одинцовой и Базарова. Сама подобная задача является бесконечно нелепой. Подобных реалий для ребенка еще не существует, а возможно, и не будет существовать, ведь мы не знаем заранее, какой опыт уготован ему в жизни. Аналогичные проблемы возникают в процессе преподавания всех теоретических наук, когда ребенок, еще не достигший уровня абстрактного понимания действительности, вынужден просто зубрить непонятные фразы и формулы, не имея зачастую ни малейшего представления, как они соотносятся с тем, что он видит вокруг.

Итак, синтезируя многообразные чувственные данные, исследователь может полагать существование объектов и отношений, которое будет категорически отрицаться другими учеными. Отсюда ясно, что Кант разводит понятия реальности и существования. Если первое выражает данные наших ощущений, схватываемых в математическом синтезе, то второе ставит вопрос о выделяемых/формируемых в окружающей действительности сущностях и связях. Аналогично в сфере повседневной жизни, глядя на одну и ту же совокупность восприятий, мы формируем разные предметности, как в примере с ребенком и взрослым. И даже если два человека пришли к утверждению схожих определенностей, в поле индивидуальной субъективности они двигались всё же разными путями. И порой настолько далекими, что только через длительное совместное обсуждение становится понятным, что, по сути, они всегда говорили об одном и том же, но отталкиваясь каждый от своего опыта, своей области знаний, приводя, соответственно, разные доводы и т. д.

Таким образом, проблема существования определяется хотя и не произвольно, но в своих созидательных истоках всё же субъективно и случайно (безусловно, если рассматривать с позиции внешнего наблюдателя; ибо с точки зрения внутреннего восприятия сделанные выводы представляются совершенно необходимыми и отнюдь не случайными, но это другой важный и сложный вопрос). Как можно видеть, в пространстве современного философского дискурса проблематика творческого полагания предметности разворачивается вокруг тех узловых логических сюжетов, которые берут свое начало от кантовского вопроса о возможности синтетических суждений.

Итак, в зависимости от того, какие восприятия вошли в наш опыт, резче подействовав на сознание,

и стали материалом для последующего синтеза, формируются разные представления о сущем. В то же время, хотя познание в своих истоках всегда является индивидуальным, если правило синтеза предполагает ряд, то есть движение от обусловленного к условиям, наш разум будет стремиться довести его до самого конца, до максимально возможного предела. Этим объясняется общая направленность в оригинальных, творческих размышлениях разных авторов. Мысль автоматически оказывается на рельсах, логический путь которых является уже готовым и накатанным, и движение по ним происходит зачастую незаметно и произвольно. И порой требуются значительные усилия, чтобы его осмыслить и вовремя остановиться. Это сделать тем сложнее, что данное движение получает еще и весомое психологическое подкрепление. Философ или ученый, замороженный сделанным открытием, обнаруженной сутью или связью явлений, ставит ее не только во главу угла рассматриваемой конкретной проблемы, но расширяет ее значение на всю изучаемую сферу опыта, а то и на мир в целом. В результате разнородные явления сводятся к одному логическому основанию, и исследователь естественным образом попадет в ловушку редукционизма сверху.

Следует подчеркнуть, что логика кантовских антиномий, взятая в качестве опоры для выделения двух направлений редукционизма, открывает горизонты для новой постановки проблемы там, где господствуют сложившиеся принятые интерпретации истории философской мысли. От самых первых попыток рационального осмысления мира до теорий современности мы можем обнаружить выражение данных направлений в качестве базовых методологических принципов объяснения реальности, – ибо они определяются всеобщими и универсальными особенностями работы мышления человека, безотносительно его культурной принадлежности или конкретно-исторического взгляда на мир. При анализе ряда концепций отчетливо обнаруживается логика тезиса четвертой антиномии с ее поиском необходимого первоначала, определяющего всеобщую связь явлений. При том что данная необходимость субъективно может усматриваться в самых разных качествах или отношениях. Так, мореплаватель Фалес, задумавшийся над наблюдаемыми состояниями и изменениями влаги, первоосновой всего увидел воду; а для Гераклита, понявшего мир как непрерывное изменение и борьбу, единство космоса раскрывается через огонь. А более чем через две с половиной тысячи лет Маркс всю сложность общественных отношений пытается вывести из единого экономического основания; а Шопенгауэр утверждает в качестве первоосновы бытия «волю», которая, возможно, лишь суммирует ощущения философа, возникающие в противовес

классической традиции, что разумное начало вовсе не является организующим ни в природе, ни в обществе; как и Фрейд, увидевший в инстинктах созидания и разрушения важнейшие детерминанты человеческого поведения, утвердил их в качестве фундаментальной структуры личности. В прошлой части нашей работы мы приводили примеры из области науки, но, как нетрудно понять, философское мышление, с его исходной интенцией охватить мир в единстве всех имеющихся проявлений, в значительно большей степени обладает склонностью скользить по рельсам редукционизма сверху.

В ряде других подходов мы обнаруживаем выражение тезиса второй, математической, антиномии. В частности, сюда укладывается логика демокритовского атомизма с ее стремлением найти в пространстве простые, далее неделимые элементы, а все вещи рассмотреть как их «комбинации». При этом на характер математической антиномии указывает также наличие у атомов таких свойств, как форма, размер, взаимное расположение в пространстве, что делает вещь «агрегатом», а не основанием «динамической» всеобщей связи.

Рассмотрев логические истоки редукционизма, чуть выше мы коснулись вопроса его психологических причин. Однако уже в первом приближении данная тема оказалась весьма обширной, в рамках ограниченного объема нет возможности изложить мысли на этот счет даже тезисно. Ибо в этом вопросе существует очень большая путаница. Она обнаруживается уже у Канта, размышляющего над вопросом об «интересе разума» в антиномиях. Дело в том, что, когда мы говорим не о разуме вообще, а касаемся экзистенциально-психологических нюансов проблемы, на передний план рассмотрения выходит вопрос – а чье сознание и мышление мы имеем в виду? И отделаться от этого вопроса нет никакой возможности, ведь далеко не всякий человек обладает способностью абстрактного *ratio*. Как можно заметить в тексте Критики, это весьма глубоко ощущается самим философом. Продолжая наследие просветительской традиции, на уровне своих теоретических положений Кант рассматривает разум как всеобщую способность. Но в ряде эмоциональных рассуждений на эту тему философ исходит из своего личного опыта, когда ему многократно приходилось сталкиваться с «обыденным рассудком», который «не знает, что такое понимание», «он воображает, будто понимает и знает то, во что его заставляют верить его опасения или надежды» [1, с. 372]. Таким образом, экзистенциально-психологические мотивы, ведущие людей к признанию абсолютных начал бытия, будь то философская идея или религиозная вера, могут быть бесконечно разными. Выдающийся отечественный психолог и педагог П. Ф. Лесгафт, признавая в Критике

свои теоретические истоки, тем не менее, выделяет типы людей с рассудочным и разумным мышлением, показывая, что абстрактная способность *ratio* не является врожденной, а длительно приобретается при определенных условиях [4, с. 40].

На основе вышесказанного напрашивается вопрос: не стал ли сам Кант в признании указанных просветительских идеалов заложником критикуемой им направленности разума, редукционистской в своей сути? Ведь философ справедливо требует не отрываться от опыта, воспаря над ним в теоретических исканиях мысли. Был ли для самого Канта опыт путеводной звездой? Стоит хотя бы вспомнить, что по признанию философа, мотивом, побудившим его взяться за критику разума, стала проблема обоснования свободы человека [5, с. 123]. Экзистенциальный опыт оказался для Канта важнее эмпирического. Философу, очевидно, больше хотелось видеть в каждом человеке начала разумности и свободы, чем опытные данные, упрямо свидетельствовавшие о противоположном.

Итак, хотя неизбежность редукционистского мышления практически узаконена природой нашего разума, в целях продвижения на пути познания эту природу нужно как-то обходить и покидать тупики редукционизма. Для чего в самом нашем разуме есть средства, а именно другие категории, вернее, категории, взятые в качестве методологических принципов. На основе приведенных в первой части нашей работы размышлений Берталанфи мы могли увидеть, что редукционистское упрощение способа мышления основано на игнорировании взаимодействий между явлениями, которые рассматриваются как автономные сущности. Как в целом отмечают основоположники системного подхода, в том числе А. А. Богданов и Л. Берталанфи, исследование объекта как системы, состоящей из элементов, находящихся во взаимодействии, требует иного, гораздо более развитого уровня мышления. Весьма симптоматично во второй половине XX в. возникает понятие «сложного мышления» Морена. Как обсуждалось выше, категория взаимодействия относится Кантом к числу динамических, которые не могут непосредственно опереться на чувственные восприятия, имеют случайность и субъективность в истоках своего синтеза. И вполне естественно, что более сложный способ рассмотрения реальности возникает исторически позже. Появление данного способа Богданов связывает с развитием практических задач, которые возникают перед человечеством, задач более высокого организационного уровня [6, с. 104]. Необходимость нового типа мышления схожим образом обосновывает и Берталанфи, но при этом он исходит не из проблем жизненной практики, а из уровня сложности феноменов, с которыми имеет дело современная наука и с которыми

она не справляется традиционными методами: «Современная наука позволяет нам утверждать, что эта схема изолируемых элементов, в которой действует однонаправленная причинность, оказалась неэффективной» [7, р. 45].

Вместо категорий субстанции и классической однонаправленной причинности в качестве главного методологического принципа утверждается категория взаимодействия. На этом пути естественным образом встает вопрос о значении данной категории в кантовской системе, созданной более двухсот лет назад. Так, Берталанфи пишет: «Вспомните знаменитую таблицу категорий Канта, которая пытается систематизировать фундаментальные понятия классической науки: симптоматичным является то, что понятия взаимодействия и организации всего лишь заполняли пробелы или не появлялись вообще» [ibid.]. Касательно данной цитаты важно отметить, что приписывание кантовским категориям значения всего лишь опыта систематизации понятий классической науки своего времени отражает способ мышления, которого придерживаются современные методологи, а именно что предельно общие понятия, вроде взаимодействия, могут быть введены в научный оборот в результате обработки опытных данных современных наук. Вспомним, что категориям как предельно общим формам нашего мышления Кант противопоставляет «эмпирические понятия», апостериорные, возникшие в результате обобщения опыта. В указанной цитате Берталанфи мы видим, как автор с легкостью уравнивает категорию взаимодействия с популярным в рамках системного подхода понятием организации, причем оба названных концепта выступают для австрийского ученого в качестве «эмпирических», т. е. возникающих и имеющих смысл на определенном этапе развития науки. (Хотя с понятием организации не всё так просто; представляется, что его скорее можно рассматривать как предикабилию, в кантовской терминологии.) Однако, как настойчиво подчеркивает Кант, категории не появляются исторически, случайно, путем перебора подходящих общих эмпирических понятий (как это, по Канту, делал Аристотель), – это базовые, всеобщие структуры нашего сознания. По мысли немецкого философа, не может быть других категорий, о каком бы историческом периоде научного развития ни шла речь.

В рамках нашей статьи мы пытались продемонстрировать, что сохранение существа кантовского

подхода, предполагающего единый и универсальный характер принципов организации человеческого мышления вообще, может оказаться продуктивным при анализе наследия философской мысли. В дальнейшем, при непосредственном обращении к категории взаимодействия, мы постараемся показать, что немецким классиком высказаны поистине несвоевременные идеи относительно ее значения. Кант, как и теоретики системного подхода, рассматривает данную категорию как требующую более сложного познавательного отношения к опыту. Не в обиду основоположникам системного подхода будет сказано, но знакомясь с современными концепциями в этой области, возникает такое представление, что в своей предельной сути они могли бы быть выведены из Критики Канта. Но возможно, именно это и имел в виду немецкий философ, говоря, что из его категорий можно получить всё научное знание, если данное получение понимать не в содержательном, а в методологическом плане. Категории – это не знания о мире самом по себе, это способы предельного вопрошания. Говоря иначе, это та система координат, в которой мы только и можем мыслить, создавая бесконечное множество научных, или, в терминологии Канта, «эмпирических» понятий.

Итак, логика исследования привела нас к необходимости обращения к категории взаимодействия, рассмотрению которой будет посвящена наша следующая статья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кант И.* Критика чистого разума / И. Кант. – М. : Эксмо, 2007. – 736 с.
2. *Мещерякова Н. А.* Детерминизм в философском рационализме : от Фалеса до Маркса / Н. А. Мещерякова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. – 168 с.
3. *Морен Э.* Метод. Природа природы / Э. Морен. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.
4. *Лесгафт П. Ф.* Семейное воспитание ребенка и его значение / П. Ф. Лесгафт // Собр. пед. соч. – М. : Физкультура и спорт, 1956. – Т. 3. – 440 с.
5. *Гулыга А. В.* Кант / А. В. Гулыга. – М. : Молодая гвардия, 1977. – 304 с.
6. *Богданов А. А.* Тектология : в 2 кн. / А. А. Богданов. – М. : Экономика, 1989. – Кн. 1. – 304 с.
7. *Bertalanffy Ludwig von.* General System Theory / Ludwig von Bertalanffy. – N. Y. : George Braziller, 1968. – 289 p.

Воронежский государственный университет

Вяткина А. Г., кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания

E-mail: allavia85@mail.ru

Voronezh State University

Vyatkina A. G., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: allavia85@mail.ru